

Юлия Крынская

ПИРУЭТЫ (НЕ) ДЛЯ СЛАБАКОВ

RUGRAM

Москва
2022

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
К85

Крынская, Ю.

К85 Пируэты (не) для слабаков / Ю. Крынская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 362 с. — (Прекрасная леди Фаррелл).

ISBN 978-5-521-91435-7

Россия 90-х годов.

Развал страны, разгул преступности и военные конфликты. Преступная группировка Монгола разоряет семью очередного предпринимателя...

— Твои родители задолжали мне денег, а в уплату долга, похоже, и взять нечего, кроме тебя, — мужчина подошел к Геле и взял за подбородок.

Дыхание незнакомца обжигало, а взгляд дурманил.

— Лучше сдохнуть, чем превратиться в вещь! — Геля, преодолев липкий страх, плюнула ему в лицо, но тут же получила пощечину. В голове зазвенело, а мужской голос, рассыпаясь на тысячи осколков, скомандовал: — Оставьте нас одних.

В один день жизнь бывшей балерины превратилась в ад, а армейские жетоны любимого мужчины стали ее единственным талисманом.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91435-7

© Юлия Крынская, текст 2022
© Дарья Воинкова, обложка, 2022
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Глава 1

Санкт-Петербург, август 1994

Ирина шла по коридору, не сводя глаз с таблички «Реконструкция». Сводчатые стены разносили по коридору стук каблуков. Удушающе пахло хлоркой. Чистая синяя хирургическая роба теснила бёдра и висела на плечах.

— Вы новенькая? — строго зыркнула дежурная сестра.

— Да, — Ирина поправила маску, — интерн Каца.

Она отыскивала нужную дверь и проскользнула в палату. У окна Вадим лежал без сознания среди приборов и трубок.

— Очнись, — Ирина дала ему оплеуху.

— Вы кто? — раздался сзади мужской голос.

Ира обернулась. Доктор Кац — как значилось на бейдже — даже при Ириных ста восьмидесяти был на голову выше. Не мешкая, Ирина сунула доктору ногой в пах и захлопнула дверь. Врач заскулил и упал на колени.

— Ты куда двадцать лямов зелени слил, гад! — Ирина встряхнула Вадима.

— Иди сюда, — еле слышно прошептал он.

Ирина коршуном нависла над ним.

— Прости меня. Матвей не изменял тебе, — каждое слово давалось Вадиму с трудом.

Ирину бросило в холодный пот.

— Я зову охрану, — прохрипел врач.

— Дайте мне уйти. — Ирина вытащила из кармана сто долларовую купюру и кинула на тумбочку. — Искупление без покаяния.

Ирина спешно покинула палату и, вернув себе в ближайшем туалете вид respectable дамы, покинула больницу.

Смахнув с капота новой иномарки пожелтевшие листья, Ирина села за руль и потёрлась затылком о подголовник. Она прикрыла глаза, сдерживая рыдания, и вдохнула полной грудью аромат ванили и кожаной обивки салона. Может, и к лучшему, что два часа назад самолёт улетел в Нью-Йорк без нее. “Матвей не виноват”, — пульсировало в висках. Она сумеет все изменить. Дверь распахнулась, и неведомая сила выдернула Ирину, как тряпичную куклу, на улицу. Намакируренный ноготь хрустнул и сломался под корень, когда пальцы цеплялись за руль, а рукав куртки треснул по шву.

— Добегалась, подруга?

— Алекс, я все отдам! — сердце Ирины заскакало подобно теннисному мячу.

— Уже отдала, — голубые глаза парня, державшего ее в страхе последние два месяца, прожигали насквозь. — Поехали к нотариусу, дом на нас перепишешь.

Алекс тащил Ирину за шкирку, наступал в лужи, и грязь летела на её красные замшевые сапоги.

— Дом на Матвея записан, — пролепетала Ирина, с трудом удерживая дрожащими пальцами брелок от машины.

Алекс отобрал его и кинул приятелю, подпирающему плечом здоровенный черный джип:

— Отгони в наш сервис. Ирине Сергеевне тачка больше не понадобится.

— Алекс, давай поговорим. У меня есть, что тебе предложить!

— Я люблю девочек лет на двадцать младше! Или ты дочку мне свою предложить хочешь?

— Не вздумай даже приближаться к Геле, — взвилась Ирина и, вырвавшись из его рук, ощерилась как кошка.

— Похоже, ты забыла, что условия диктую я, — ухмыльнулся Алекс и втолкнул Ирину на заднее сиденье джипа.

* * *

Похороны Вадима в дождливый день уходящего лета поставили жирную точку в карьере Матвея. Опустевшие счета компании грозили позором и сроком. Вадим единственный, кто мог ответить, куда исчезли деньги, пока Матвей летал в Красноярск подписывать договор о поставке алюминия. Расстрел на улице, реанимация, морг — действительность новой России. Матвей достал из ящика стола пистолет и обвёл взглядом кабинет. Как всегда, идеальный порядок. Книги в шкафу — корешок к корешку, коллекция кортиков в начищенной до блеска витрине, даже складки на шторах, казалось, были уложены по линейке. Только стеллаж для документов его компании непривычно пустовал. Аромат охваченных огнём берёзовых дров в камине смешался с острым запахом пепла догорающих бумаг.

— Ирина, прости... — Матвей приставил ствол пистолета к виску.

Яркий отблеск огня упал на фото в золочёной рамке на краю стола. Рука дрогнула, он не может уйти и не попрощаться. Матвей тяжело вздохнул и опустил пистолет. Дочь — юная, красивая, полная сил и надежд, была маяком в жизни. Но она жила балетом, и всё реже в родительском доме раздавался её звонкий смех.

Матвей провёл пальцами по ребристой поверхности рамки. Он щёлкнул дочь на камеру в день её совершеннолетия, и эта фотография стала ему дороже прочих. В то лето они последний раз ездили в отпуск вместе. Солнце пекло нещадно. После нескольких часов глубоководного плавания двигаться не хотелось. Матвей стянул гидрокостюм, окатился пресной водой из шланга и ленивым тюленем раз-

валился возле жены на палубе. Яхта летела, легко разрезая кристально чистую бирюзовую воду. Геля забралась на нос судна, обернулась и крикнула:

— Мам, пап, я лечу!

Ловкими движениями она собрала выгоревшие волосы в пучок на затылке. Ослепительно-белая футболка приподнялась, рукава обнажили загорелые руки, огромный вырез на спине подчеркивал длинную шею, а смуглые стройные ноги казались бесконечно длинными. Улыбка! Как он любил её улыбку! С того момента, как взял младенцем на руки...

Матвей набрал номер Гели. Эхо гудков показалось ему бесконечным.

— Папа? — тревожно ответила дочь.

— Геля, дорогая, просто захотелось услышать твой голос. — Матвей бросил взгляд на часы, стрелки сошлись на двенадцати. — Не разбудил тебя?

— Нет, перечитываю «Триумфальную арку» и вряд ли усну до утра.

Затаив дыхание, Матвей вслушивался в грудной, хриловатый голос Гели.

— Ремарк... Как продвигаются дела со свадьбой? Как Светозар?

— Нормально, — коротко бросила она и словно потеряла интерес к разговору.

— Что-то не слышу радости.

— Просто устала немного, — её голос дрогнул.

— Дело не в усталости, сама прекрасно знаешь, — вздохнул Матвей, собираясь с духом. — Прости, если сделаю больно, но молчать больше нет сил, весь год об этом думаю.

— Режь, чего уж, — тихо смирилась Геля.

Он представил, как дочь села на постели, поджав под себя ноги и опустив плечи. В такие минуты она напоминала изваяние Русалочки в Копенгагене.

— Ваши отношения похожи на шашни двух черепак за час до анабиоза. Ты должна светиться от счастья при одном воспоминании о любимом человеке, а на тебе лица нет, стоит завести речь о Светозаре. Может, он и хороший человек, но не твой. Бросай его! Любовь — это одержимость человеком. Обоюдное беспамятство от страсти. Тогда — хоть на край света. Замуж не нужно идти из чувства долга и безысходности. Тебе же еще даже не четвертак, вся жизнь впереди!

— Страсти в романах, а мы с Бракозьяброй просто ещё не были близки. Может из-за этого проблемы?

— Пф! Я очень ценю твои моральные устои, но век, когда жених невесте до свадьбы лишь край подола целовал, давно канул в лету. Боюсь, первая же ваша близость лишь усугубит проблему. Когда нелюбимый человек в постели поцелует — вообще свихнёшься. Твоя мама подарила мне счастье. Я и помыслить не мог о другой женщине.

— Нет от неё вестей? Неделя прошла.

— Как в воду канула.

— Что между вами произошло, можешь мне рассказать?

Матвей достал из бара бутылку коньяка и налил треть бокала. Маслянистый напиток обжёт глотку.

— Ирина вбила себе в голову, что я изменяю ей. Милиция выяснила, что на её имя были заказаны билеты до Нью-Йорка, но на рейс она не зарегистрировалась. Машины не нашли. Могу предположить, что она рванула к Светке в Геленджик. И в море покупаться, и меня проучить. Пару раз она уже проделывала такие штуки. Ревнивица почище шекспировского мавра.

Смех дочери прозвучал как любимая мелодия, и на душе просветлело. Захотелось самому поверить в только что рассказанную небылицу. Прощальное письмо Ирины вместе с заявлением о разводе лежало в кармане его пиджака

и жгло сердце почище опустевших счетов и проданного за спиной дома.

— Солнышко, пообещай, что бросишь этого напыщенного индюка.

Повисла неловкая пауза.

— Я сама уже подумываю о расставании... Странный привкус от нашего разговора, ты как будто прощаешься. Что-то случилось? Снова сердце? Я сейчас приеду.

— Нет, детка, все в порядке. — Матвей прошёлся по кабинету, снимая напряжение: «Лучше бы я написал ей письмо». — Как на работе?

— Нормально на работе! — оборвала Геля. — Ты обманываешь! Зачем? Я уже не маленькая. Почему ты не доверишь мне?

— Геля, поверь, я не просто так держу тебя подальше от своих дел. Меньше знаешь — дольше живёшь. Так сейчас говорят.

— Ого!

— Прости, мне нужно ещё поработать. Только, пожалуйста, пообещай, что позволишь какому-нибудь более достойному парню окольцевать тебя.

— Тогда и ты пообещай... Нет, лучше поклянись, что не сделаешь ничего такого, что заставит меня плакать. Простых путей не бывает в жизни.

Матвей замер посреди комнаты, не сводя глаз с пистолета.

— Клянусь, — выдавил он.

— Спокойной ночи, мой самый-самый любимый человек во вселенной. Да, и учти, если я никого не найду, то вернусь жить к вам с мамой и буду проедать тебе плешь до скончания века.

— Любовь сама тебя найдёт, родная. Ты обязательно будешь счастлива.

Матвей положил телефон и подошёл к окну. Раздвинул шторы и отворил балконную дверь, впуская пасмурную сентябрьскую ночь. В камине догорали дрова. С балкона двухэтажного дома открывался вид на озеро, окружённое вековыми соснами. Звонящая тишина изредка нарушалась всплесками воды, а воздух был пропитан пряным ароматом хвои.

«Лёгких путей не бывает», — сколько раз в жизни Матвей сам говорил эту фразу, но сил бороться больше нет. И не сил, скорее, а желания. Внутри поселился вакуум, который требовалось заполнить добрым и вечным. «Вот ведь Геля!» — Матвей выдвинул ящик стола и наткнулся на маленькую икону Иисуса Христа. Она принадлежала ещё его маме. Закрыв глаза и задержал дыхание. В воспалённом мозгу пронеслось давно забытое: «Отче наш, иже еси на небесех...» Матвей прошёл в гардеробную и скинул официальный костюм, в котором ещё час назад собирался отправиться в мир иной. Он надел джинсы, чёрный кашемировый свитер, кожаную куртку, кинул в дорожную сумку документы, бритву, смену белья и вернулся в кабинет. Сердце ухало, как филин в ночи, но тело будто потеряло в весе. Матвей убрал пистолет в кобуру и надел её на ремень, фото и блокнот положил в карман сумки.

У ворот Матвей оглянулся. В свете фонаря дом показался чужим. Он и правда стал чужим. Ирина за спиной Матвея продала его. «Может ты и правильно сделала, что избавилась от него. Мы никогда не были здесь счастливы. Я отдал бы жизнь, чтобы отмотать лет двадцать назад и вернуться с тобой в маленькую комнату на Лиговке». Матвей дрожащими руками запер калитку, зашвырнул ключ в кусты и, подняв воротник, быстро зашагал к шоссе.

Глава 2

Непростую историю доктора Равика Геля сегодня не читала. Она устыдилась невольного вранья, погладила шероховатую обложку книги и вернулась в комнату. Светозар лежал на постели голый, закинув руки за голову. В полумраке мигающей новогодней гирлянды, его тощее белесое тело смотрелось забытой мартовской ёлкой. «С ребятами на гастролях порой приходилось переодеваться в одной комнате, но как может не манить тело будущего мужа? О, боги! У меня больше не поворачивается язык назвать его любимым. И это мой первый раз?! Хорошо, что у него ничего не вышло. Да мы просто созданы друг для друга!». — Геля подняла с пола ажурный комплект белья, купленный в Японии для особого случая.

— Что так долго? Давай ложись. Попробуем сейчас по-другому пробить твою броню. — Светозар повернулся на бок и похлопал ладонью по смятой простыне.

— Отцу плохо, — Геля выдернула из розетки вилку гирлянды и включила большой свет. — Отвези меня в Зеленогорск, пожалуйста.

— А что с отцом? — Светозар закатил глаза и перекатился обратно на спину.

— Боюсь, опять сердце прихватило.

— Боишься или прихватило?

— Боюсь! Он ведь не скажет никогда. Бракозаябрик, давай прокатимся, пожалуйста.

— Сделай мне хорошо и прокатимся, — Светозар глазами указал на своё мужское достоинство.